

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

П.В. ТАРУСИН

Циркуляция элиты: методы изучения и вызовы практики

В статье рассматриваются научные методы изучения проблем ротации правящей элиты. Автор предлагает свою интерпретацию процессов элитной циркуляции через призму обновления ее функционально-ролевых диспозиций, а также структурно-институциональных новаций политического режима. В качестве инструментария анализа используется концепт “паттерны” правящей элиты.

Ключевые слова: правящая элита, субэлита, ротация, циркуляция, паттерны, политический режим, функционально-ролевые диспозиции.

The article discusses scientific methods of study of rotation problems of the ruling elite. The author offers his own interpretation of the processes of elite circulation through the prism of updating its functional-role dispositions, as well as structural and institutional innovations of the political regime. As a tool of analysis the concept of “patterns” of the ruling elite is used.

Keywords: the ruling elite, sub-elite, rotation, circulation patterns, political regime, functional-role dispositions.

“Трясина” однобокости методологического инструментария

Проблема циркуляции правящих элит представляет одну из центральных тем в элитологии. Усилению исследовательского интереса к ней в немалой степени способствовали недавние процессы политических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и на постсоветском пространстве. Многообразии причин, форм, условий протекания и последствий данных событий послужило источником крайне обширного и разностороннего эмпирического материала, на основании которого стало возможным масштабное теоретическое конструирование современных процессов элитной ротации. Проведенные исследования расширили наши представления об этом явлении. Вместе с тем наглядно проявились и серьезные расхождения между реальным содержанием процессов и механизмов циркуляции элиты и постулатами классических теорий, которые продолжают тиражироваться в научных работах.

Как заметил Г. Ленгвел, теория “циркуляции элиты” была предложена В. Парето именно для устранения проблем, связанных с интерпретацией элиты как совокупности

Тарусин Павел Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

лиц наилучшего качества (*as the best quality*) [Lengyel, 2006, p. 6]. Данное им толкование фактически совпадало с этимологией термина “аристократия”, высшие представители которой отождествлялись в то время с правящей верхушкой, тем самым “классическая” теория описывала процессы ротации исчезнувшего ныне “благородного” сословия. Как первопричина *смены* типа элиты называлось вырождение ее качественных характеристик вследствие блокирования доступа для наиболее способных представителей иных социальных слоев. Однако данные факторы вовсе не необходимы или достаточны для объяснения описываемого феномена.

Во-первых, процессы циркуляции элиты производны от явлений трансформации политического режима, которые неизменно сопровождаются обновлением персонального и качественного состава самой структуры правящей верхушки. Как заметил Г. Ашин [Ашин, 2005, с. 415], *смена элит* – не самостоятельная детерминанта процессов перехода к новой социально-экономической формации, а предстает зависимой от них величиной. Деформация властных структур и институтов ведет к неспособности их руководства эффективно реализовывать собственные функционально-ролевые нагрузки, что, в свою очередь, усиливает кризис политического режима. Тем самым смена типов элиты объективно становится одним из ключевых механизмов регулярного обновления исходных (сущностных) точек отсчета функциональной деятельности политических режимов.

Во-вторых, процессы закрывания элиты, характеризующиеся снижением темпов и объемов ее ротации, происходят неодновременно и разномасштабно в разных ее фракциях. Они неизбежны в ходе развития любого типа элиты. В целом степень открытости правящей элиты отражает ситуативный баланс между потребностями политического режима в сохранении стабильности и управляемости процессами социального (политического) регулирования и необходимостью его адаптации к меняющимся условиям среды. Это и обуславливает чередование периодов открывания/закрывания правящей элиты.

Практика показывает, что наибольшая степень открытости правящей верхушки наблюдается в периоды социальных кризисов, когда общество выбирает направления дальнейшего развития. Прежняя система комплектования элиты отторгается, а новая находится в стадии формирования, отражая как незавершенность выбора самого субъекта политической власти, так и неопределенность, противоречивость процессов учреждения и перестройки властных институтов и структур. Применяемые, порой по наитию, противоречащие друг другу и природе государственной власти механизмы и каналы элитного комплектования не образуют в этот период внутренне единую и логичную систему. В результате усиливается зависимость качественного и персонального состава правящего слоя от ситуативных состояний массового сознания и общественного мнения, а процессы его отбора непредсказуемы и случайны.

По мере становления политического режима перед правящей верхушкой встают задачи удержания власти на основе эффективной реализации выбранного курса развития. Чрезмерная раздробленность элиты, сформированной в период кризиса, ее “турбулентность” многократно повышают издержки достижения соглашений между властными группировками. Возникает потребность в таких формах элитного комплектования, которые ограничивали бы деструктивное влияние идейной и организационной размытости правящей элиты.

Наступает этап “редукции разнообразия” – процесса вымывания различных групп из состава элиты по мере выявления их стойкой неспособности к осуществлению власти или расхождений относительно методов реализации намеченного курса. В свою очередь, потребность в выдвижении лиц, способных отладить и направить функционирование обновленных властных структур и институтов, обуславливает введение “фильтров” от случайных кандидатов, не соответствующих функциональным образцам деятельности и ценностным установкам элиты. Происходят стабилизация и сокращение разнообразия источников комплектования, потоки ротации элиты “иссыкают”.

Проблема заключается лишь в ситуативной оптимизации меры открытости правящей элиты, в поддержании такого уровня ее внутренней состязательности, который бы критично не препятствовал реализации ее функционально-ролевых нагрузок. Однако и в обществе, и в самой политической системе присутствуют механизмы, препятствующие продолжительному закрыванию элиты. На практике политическое (либо внутриэлитное) оппонирование, потребности социальной легитимации власти исключают чрезмерную консолидацию и закрывание элиты, ее стагнацию, поддерживают необходимую степень проницаемости и прозрачности каналов комплектования.

Ради смягчения процессов политического оппонирования элите приходится периодически раскрывать данные каналы, снижать накал социального недовольства за счет поглощения “протестного элемента” в собственной среде. Для устойчивого воспроизводства и развития политического режима необходим доступ в его руководство “свежей крови”, привносящей иные нормы, подходы и взгляды на функционирование властных структур и институтов, недостающие ресурсы, в том числе и интеллектуальные. Кроме того, постоянное присутствие одних и тех же фигур во властном и связанном с ним информационном пространстве со временем вызывает в обществе чувство раздражения, усталости, безотносительно к результатам функциональной деятельности, “голод” по новым лицам во власти.

В-третьих, политическая и функциональная компетентность элиты зависит от конкретных условий, от специфики структурно-институционального устройства и оснований функционирования политического режима. С течением времени властный и технологический потенциал правящей верхушки, контролируемые ею ресурсы последовательно переориентируются на собственное воспроизводство, все более отвлекаясь от реализации функциональных задач. Как заметил Дж. Хигли, “однажды сформировавшись и придя к власти, элита, единая на основе консенсуса, уверенно пролонгирует собственное существование, независимо от конфигураций не-элиты” [Хигли, 2011, с. 53].

Как отмечал в этой связи Д. Норт, инерция и транзакционные издержки текущего изменения структур и институтов могут стать такими высокими, что выбор элитами вариантов будущего развития становится весьма ограниченным. Взяв на вооружение инструменты, успешно применявшиеся в обстоятельствах прошлого времени, власти бывают стеснены ими при встрече с новыми обстоятельствами [North, 1990]. Тем самым ассортимент располагаемого властного инструментария, формы и способы его применения все более расходятся с типами решаемых задач. Со временем качественно иные проблемы начинают доминировать, вызывая к жизни модели и методы функционирования, органически не свойственные правящей элите. Ее “рецепторы” перестают улавливать сигналы, идущие от общества, разделять их и диагностировать. Возникает явление *девальвирующей компетентности*: властный потенциал элиты отнюдь не деградирует, а лишь обесценивается в изменившихся обстоятельствах.

При этом не происходит вырождения качественных характеристик правящей верхушки. Напротив, ее нравственные ценности, нормы деятельности и поведения жестко ограничивают диапазон допустимых способов и форм борьбы за власть. Именно “новички” в стремлении нивелировать неравенство групповых ресурсов и стартовых условий демонстрируют исключительную гибкость политических и моральных принципов, способность переступать через большинство существующих правовых, этических ограничений и запретов. Вседозволенность и неразборчивость в средствах и способах властного оппонирования предопределяют резкое огрубление нравственных и деловых качеств представителей “новой” элиты. Но подобная деградация “качественных параметров политики и элиты” отражает, скорее, бескомпромиссную природу властного оппонирования в “кризисных точках”, нежели моральные характеристики его участников.

Представленные соображения в значительной мере подтверждаются в [Higley, Lengyel, 2000; Человеческий... 2012; Политический... 2012; Властные... 2012; Шка-

ратан, Ильин, 2006]. Исследователи, в целом, согласны, что недавняя трансформация политических режимов в Центральной и Восточной Европе, а также на постсоветском пространстве сопровождалась сменой типов правящих элит. Вместе с тем приводимые данные свидетельствуют, что скачкообразного ускорения объемов и темпов обновления персонального состава правящих элит, улучшения их качественных характеристик³ не произошло: соотношение числа новых и старых элементов достаточно продолжительное время сохранялось в пользу последних⁴. И только по мере завершения трансформации структур и функциональных оснований деятельности политических режимов наблюдается значительное обновление персонального представительства социальных страт в составе правящей верхушки⁵.

Наиболее масштабные по объему и темпам изменения персонального и качественного состава наблюдались в крайне малочисленной группе распорядителей верховной власти. *Кокусы*, сформировавшиеся вокруг лиц, входивших в старую элиту и обладавших на тот момент перспективным политическим капиталом и высоким уровнем общественного доверия, выступили точками кристаллизации элиты нового типа. За счет сосредоточения в своих руках наиболее значимых властных полномочий и ресурсов их члены направляли процессы структурно-институциональной перестройки прежнего политического режима. Отмечалась подвижка (в форме смены поколений) в составе высших администраторов и обновление слоя политических назначенцев за счет горизонтальной ротации между отраслевыми субэлитами. При этом даже в условиях системных трансформаций большинство “рекрутируемых” высших администраторов последовательно поднимались по ступеням властной иерархии.

Разумеется, полученные результаты могут иметь и иное толкование, но вряд ли подлежит сомнению, что современные процессы элитной ротации далее не могут рассматриваться с прежних научных и методологических позиций, так как они разворачиваются в принципиально ином социально-политическом и экономическом контексте (см. [Дука, 2008, с. 50–70]). Тем не менее “властные группы... анализируются через призму теоретико-методологических конструкций, предложенных Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсом” [Политический... 2012, с. 102].

Каковы же основные факторы, обуславливающие доминирование в практике исследований традиционных классических концептов и методологических подходов? Во-первых, большинство исследователей сначала пытаются морфологически “распознать” явление, описать его внешние параметры и уже затем объяснить саму природу и механизмы протекания. Однако здесь они попадают в ловушку *неопределенности* понятий. Ведь сущность политики и власти, непрозрачность практик и механизмов принятия политических решений, особенно относящихся к сфере воспроизводства правящей верхушки, препятствуют однозначной идентификации явления “правящая элита” и связанных с ним концептов “политическая власть” и “политический режим”. Поэтому предлагаемые теоретические конструкции процессов ротации правящей элиты весьма условны.

Кроме того, стремительность и масштабность произошедших трансформаций, разобщенность попыток их осмысления предопределили избыточное разнообразие и противоречивость выдвигаемых концептов и понятий. Они затрудняют выявление в рамках классических подходов природы элитной циркуляции, превращают научные дискуссии в споры скорее о терминах, нежели по существу проблемы. Осторожность

³ Практически во всех работах отмечается низкий, не соответствующий целям и задачам переходного этапа качественный уровень “новой” элиты.

⁴ По оценкам, 75% политической элиты и 61% бизнес-элиты в постсоветских странах в первой половине 1990-х гг. составляли представители прежней коммунистической номенклатуры [Arik, 1999, p. 51–68]; (см. также [Ашин, 2013, с. 300]).

⁵ Так, в России существенные персональные и структурные изменения (дизайн и состав) правящей элиты отмечены только к началу второго срока президентства В. Путина. Причем данный, весьма значимый этап эволюции правящей элиты отражал прежде всего повышение степени институализации политической сферы [Политический... 2012, с. 71].

научного сообщества относительно недостаточно апробированных идей и толкования понятий затягивает, в свою очередь, трудоемкий процесс согласования и конвенционального утверждения новаций в понятийно-категориальном аппарате. Исследователи вынужденно придерживаются “пути указующих маяков” признанных классических подходов.

Во-вторых, закрытая природа самого исследуемого явления размывает “фокус” исследований. Недостаток, а зачастую и намеренное искажение информации, ненадежность существующих критериев истинности дают возможность для субъективных интерпретаций процессов циркуляции элиты, выдвижения чисто умозрительных концепций, основанных на произвольно отобранном эмпирическом материале. Большинство работ отличает преувеличенное внимание к процессам обновления круга публичных политиков. В то же время ротация остальной части элиты остается фактически за рамками исследовательского интереса.

Ограниченность эмпирической базы научных поисков прежде всего открытыми данными, достаточно поверхностно, выборочно и не совсем корректно отражающими внешние формы и параметры протекающих процессов, стесняет применение традиционного аналитического инструментария, наиболее доступного исследователям. Ведь количественная (статистическая) оценка всегда относительна, она привязана к используемому методу и концептуальной интерпретации явления, скорее работает на “подтверждение” заявленной гипотезы. В силу этого нормативные (социологические) подходы к циркуляции элиты, сами по себе не основанные на предварительно сформированной концептуальной базе, бессмысленны с познавательной точки зрения. Результаты их применения могут иметь весьма широкий спектр содержательных интерпретаций.

Акцент на формальных (статистически отображаемых) параметрах ротации приводит к упрощению структуры изучаемого явления, что в свою очередь принципиально искажает представление о содержании, природе и принципах взаимодействия составляющих его элементов. Так, в большей части исследований правящая элита предстает в виде однородной субстанции с достаточно единообразным набором предпочтений, ценностей, механизмов, каналов и форм комплектования. Преобладает представление о циркуляции элиты как процессе изменения персонального и качественного состава, что проявляется и в выборе критериев различения ее форм⁶.

Как следствие, ключевые детерминанты данного явления, производные от социальных оснований политической власти, носителем которой и выступает правящая элита, ее функционально-ролевые диспозиции фактически остаются вне сферы научного поиска. Игнорирование функционального предназначения (миссии) элиты принципиально искажает общую картину движущих механизмов и процессов ее циркуляции. Они искусственно помещаются в некое пространство общих принципов и идеализированных критериев, отвлеченных от реализуемых задач и функций конкретного политического режима.

Таким образом, традиционно используемый концептуально-методологический инструментарий лишь “скользит” по поверхности изучаемого явления, акцентируя внимание на ситуативных, случайных признаках базисных детерминант и не проникая в их суть. В итоге цели научного поиска ограничиваются, как правило, выявлением феноменологии и цикличности смены персонального и качественного состава элиты, а проведение исследования заключается в мало что объясняющем анализе всевозможных собранных данных.

В свою очередь, невозможность четкой идентификации и концептуализации рассматриваемого явления, ограниченность методов и инструментов познания, присущее отечественному “просвещенному слою” критическое отношение к существующим

⁶ В качестве основного индикатора выступает масштаб кадровой ротации: по горизонтали – диапазон обновления соответствующих элите статусных позиций, а по вертикали – глубина уровней, с которых осуществляется их комплектование.

политическим режимам способствуют устойчивому доминированию в российской элитологии нормативных подходов. Следует отметить и не до конца преодоленную увлеченность западными концептами, едва ли подходящими к российской реальности. В итоге преобладают довольно идеализированные концепции процессов ротации, качественные, зачастую ангажированные их оценки, особенно пессимистичные и предвзятые по отношению к нынешней элите.

Безусловно, полностью исключить ценностные установки и убеждения исследователей в отношении фундаментальных принципов, условий и целей применения политической власти, оценки ее результатов, порождающих предвзятость в отражении процессов ротации, невозможно. Задача состоит лишь в том, чтобы минимизировать данное влияние на содержание проводимых исследований и их выводы, иначе отечественное элитологическое сообщество так и останется обреченным на творческую активность, не находящую применения за его собственными пределами. Не случайно российские власти сегодня крайне редко обращаются к конкретным исследованиям по данной проблематике.

Очевидно, что существующие трудности с изучением процессов элитной ротации кроются не в самих методах, а в практике и сфере их применения. Как справедливо заметил Ленгвел, нормативного определения элиты следует избегать при обсуждении проблем ее циркуляции, уделяя основное внимание тем, кто занимают позиции, позволяющие принимать стратегические (*top*) решения в политике и экономике [Lenguel, 2006, p. 5–12]. Как мы и убедились, ценностные и нормативные подходы корректно работают лишь в отношении достаточно узкого спектра сюжетов элитной ротации, причем сюжетов достаточно поверхностного характера. Тем самым их познавательные возможности нуждаются в дополнении новыми методами, не подверженными столь жестким ограничениям, которые к тому же будут выступать в качестве независимой системы проверки предлагаемых гипотез и выводов исследований. Причем данные подходы – вовсе не антагонистические, они органично дополняют друг друга⁷. Не существует ни ценностной, ни структурно-функциональной концептуальной либо методологической “панацеи” в изучении ротации элиты. Проблема исследователя в каждом конкретном случае состоит в выборе оптимальных пропорций и задач для их применения.

Тем не менее, по моему стойкому убеждению, качественный “прорыв” в изучении процессов циркуляции элиты возможен лишь при переносе тяжести научных усилий на структурно-функциональный подход⁸. Функциональный взгляд “высвечивает” закономерные взаимосвязи между типами (состоянием процессов) циркуляции правящей элиты и формами (факторами) обновления оснований ее деятельности. Данный ракурс постановки проблемы позволяет “перекинуть мостики” к смежным отраслям научного знания, занимающимся процессами принятия государственных решений, а также механизмами осуществления политической власти и ее субъектами, чтобы раскрыть предмет исследования во всем его многообразии и полноте. Кроме того, в значительной мере снимается вопрос формулировок, методология исследования не нуждается в установлении точных границ явления, а также в однозначном истолковании связанных с ним понятий. Промежуточные же результаты, полученные с использованием нормативных, социологических методов, вполне применимы в качестве косвенных маркеров-индикаторов, отражающих в соответствующей концептуальной интерпретации реальные, но закрытые от наблюдателя механизмы и причины элитной ротации.

⁷ Как отмечала О. Гаман-Голутвина, противопоставление двух подходов зиждется на применении разных методов анализа: структурно-функционального и институционального, на противопоставлении узкого и широкого функционального поля деятельности правящей элиты. Неразрывность двух методов лежит в многогранной природе элиты: как функциональной группы, так и института, и социальной страты [Полицеский... 2012, с. 32].

⁸ Например, Ч.Р. Миллс однозначно указывал на преобладание функционально-ролевых параметров (детерминированность) процессов ротации правящей элиты [Mills, 2000, p. 3].

Направления и перспективы преодоления атрофии функциональных методов

Структурно-функциональному методу соответствует трактовка *правлящей элиты* как совокупности лиц (безотносительно к их персональным качествам и обстоятельствам получения власти), занимающих высшие позиции в ведущих социальных институтах и структурах власти, которые позволяют им принимать стратегические решения и распоряжаться основными общественными ресурсами (см., например, [Mills, 2000, p. 4–5]). Подобная интерпретация элиты отчасти абсолютизирует роль и значение институциональных механизмов власти, игнорируя неформальные рычаги и практики принятия ключевых (в масштабах всего общества) решений. Данное допущение представляется неизбежным из-за отсутствия, а точнее, невозможности создания надежных инструментов для оценки совокупного влияния участников “по случаю”, каковое, впрочем, не идет ни в какое сравнение с властным потенциалом руководства ведущих социальных институтов.

Согласно принятой трактовке, властные полномочия правящей элиты – инструмент реализации функций, закрепленных за руководимыми ею структурами и институтами⁹. Тем самым элита выступает функцией *политического режима*, представляющего обобщенную характеристику форм и методов осуществления политической власти. Причем *политическая власть*, будучи неотъемлемым свойством (принадлежностью) социальных структур и институтов, реализуется главным образом в форме властного капитала тех или иных акторов и/или в контексте их отношений (подробнее см. [Ледяев, 2012, с. 124–148]).

Хотя строение и состав правящей элиты предопределены дизайном и состоянием ведущих социальных институтов, особая природа ее задач и функций, уникальность положения в системе власти обуславливают взаимозависимость процессов элитной циркуляции и структурных трансформаций политического режима. Для рассмотрения подобных взаимосвязей М. Арчер предложен концепт “двойного морфогенеза” [Archer, 2004, p. 308]. Представители властных групп – полноправные участники политических процессов, структурные условия которых одновременно оказываются и результатом, и предпосылкой изменений. При этом сами субъекты изменений способны не только преобразовать/создавать новые формы властных структур, но и *изменяться* вместе с ними. Вновь возникающие характеристики и политической реальности, и агентов изменений взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В силу функциональной и структурной диффузии социальных институтов и органов власти, которыми она руководит¹⁰, правящая элита не однородна и не монолитна. При этом неравномерность развития и трансформаций различных элементов политического режима неизбежно рассогласовывает циклы, масштабы и темпы обновления их руководства (отраслевых субэлит), что серьезно отражается на процессах ротации элиты в целом. Велико значение и иного среза элитной дифференциации, описанного Гаман-Голутвиной: “Политическая элита может быть представлена дихотомической структурой, состоящей из двух компонентов, условно определяемых как лидеры и бюрократия” [Гаман-Голутвина, 1998, с. 10]¹¹. Отмеченным категориям (политики – политические назначенцы и высшие администраторы) присуще расхождение сроков пребывания во власти, различие применяемых качественных критериев. Это усиливает диспропорцию фаз, объемов и скорости обновления персонального состава уже самих отраслевых субэлит.

⁹ Миллс определяет правящую элиту именно в терминах средств, способов власти (“in terms of the means of power”) [Mills, 2000, p. 23].

¹⁰ На аффилиацию элиты с важнейшими социальными институтами – государством, крупнейшими производственными корпорациями и армией – обращал внимание еще Миллс [Mills, 2000, p. 4–5].

¹¹ Нас не должно смущать определение “политическая”, подобная дихотомия характерна и для иных отраслевых субэлит.

Указанные факторы элитной дифференциации обуславливают весьма широкое, практически не сводимое в универсальных моделях разнообразие форм, принципов, механизмов и условий ротации элиты. К тому же эти процессы постоянно не поспевают за происходящими структурно-институциональными обновлениями политических режимов, а ускорение темпов социально-экономического развития приводит к тому, что значительно сокращается, зачастую деформируется жизненный цикл типов правящей элиты и ее фракций, не успевающих “выработать” свой потенциал.

Тем не менее существуют устойчивые закономерности в выборе форм элитной циркуляции и в характере ее протекания, основанные прежде всего на общности (сходстве) функционально-ролевых диспозиций элиты, а также на ее зависимости от состояния соответствующих политических режимов и процессов их перестройки. Постигание сути данных взаимозависимостей позволит создать многофакторную модель ротации правящей элиты, достаточно корректную для большинства возможных условий и ситуаций.

Специфика функционально-ролевых нагрузок правящей элиты, особенно право принятия ключевых решений по выбору направлений и объемов распределения ресурсов, придают процессам ее обновления политический, конкурентный характер. Формы и содержание элитной циркуляции отражают результаты оппонирования социальных и политических сил по поводу власти, будучи зависимыми и от доминирующих моделей, и от практик политической борьбы. Принципиальная непредсказуемость исходов подобного оппонирования предполагает и неопределенность, разноразностную возможность реализации любого “сценария” элитной ротации. В связи с этим многие персональные назначения в элите, например кадровые размены соперничающих группировок или уравнивание одних влиятельных фигур (групп) другими, внешне выглядят как случайные и произвольные.

Соперничество политических сил в борьбе за собственную легитимность – один из ключевых факторов процессов элитного обновления. В то же время существуют достаточно обоснованные опасения по поводу усиливающегося контроля правящего меньшинства над механизмами собственного комплектования. С. Хантингтон отмечал, что в современных обществах растет количество власти, потенциал ее инструментов, контролируемых элитой [Хантингтон, 2004, с. 480]. На опасно увеличивающуюся концентрацию средств власти и политических коммуникаций в руках правящей элиты указывал и Миллс [Mills, 2000, р. 3]. Политическая практика свидетельствует, что правящее меньшинство, используя предоставленные в его распоряжение полномочия, регулярно воспроизводит (приращивает) основания и ресурсы собственной власти и легитимности. Процессы элитной ротации выглядят все менее зависимыми от общества¹².

Тем не менее в демократических режимах риски “кадровой обособленности” элиты от общества минимизированы. Завоеванные в жесткой политической борьбе властные статусы и полномочия необходимо регулярно конвертировать в капитал социальной поддержки. В отличие от оснований легитимности традиционного типа, присущего периоду господства аристократического сословия, преобладающий в современных режимах легально-рациональный тип соотносит уровень и характер общественной поддержки прежде всего с результатами функциональной деятельности¹³. Именно мера удовлетворенности социальных запросов, а не мобилизация одобрения сверху, определяет уровень легитимности как правящей элиты, так и ее оппонентов.

¹² Конкурентная, достаточно автономная от влияния общества и структурно-институциональных форм политического режима, природа элитной циркуляции решительно противится попыткам рационального объяснения и описания данных процессов, размывает рамки применимости различных концептуальных моделей. Причем сами концепты, как правило, лишь задним числом пытаются объяснить в рациональных формах случайные по своей сути исходы процессов элитной циркуляции, для которых нет ничего *a priori* очевидного и невозможного.

¹³ Очень подробно описал данное явление Э. Блэр во вступлении к своим мемуарам [Blair, 2011].

Политическая практика подтверждает тезис о том, что вопрос легитимности власти по-прежнему остается в компетенции общества, которое сохраняет решающее слово в оценке способности элиты в целом (и ее групп в частности) выражать и обеспечивать собственные потребности. Однако реализация вынесенных оценок осуществляется не напрямую, а опосредованно. Современное общество стремится не столько к самостоятельному осуществлению исходящей от него власти, сколько к усилению контроля над правящими кругами, в том числе и посредством механизмов (процессов) их обновления. Его ожидания и настроения отражаются в содержании запроса, адресуемого политическому режиму в целом. В свою очередь, властные институты и структуры, в соответствии с текущим состоянием механизмов и процессов их функционирования, с учетом собственных задач и интересов формируют требования второго уровня. Функциональные и организационные критерии, относящиеся непосредственно к персональным и качественным характеристикам руководства, отчасти противоречат содержанию социального заказа. Прокрустово ложе взаимных ограничений и требований сужает “рынок элитного спроса-предложения” – этого, образно говоря, рынка продавца, а не покупателя. Реальный выбор на нем ограничен самой элитой, которая в значительной степени контролирует предложение “штучного товара” и регулирует содержание спроса¹⁴.

В то же время, как отмечал Р. Даль, содержание проблем, а также потенциальных стратегий их разрешения ныне настолько специализировано, что диагностирование и выбор альтернатив, выработка соответствующих решений требуют более длительной и основательной подготовки, чем способно поддерживать правящее меньшинство [Dahl, 1989, p. 65–79]. Функциональные потребности властных структур и институтов в поддержании и усилении уровня компетентности собственного руководства неизбежно вовлекают в сферу принятия стратегических решений наиболее талантливых представителей внеэлитных слоев, а также влекут регулярную смену правящих команд у кормила власти.

Тем самым ротация элиты – также особая форма (отчасти и инструмент) текущего обновления политического режима, отличающаяся гибкостью, ограниченностью ресурсных затрат и не вызывающая продолжительную дисфункцию властных структур. Именно посредством замены правящих команд, персональных перемещений в руководстве органов и институтов власти осуществляется настройка стиля функционирования последних, корректируется содержание политического курса. Периодическая ротация групп – распорядителей верховной власти влечет перераспределение ресурсных капиталов элитных групп, формируя такое состояние баланса сил, которое в наибольшей степени способствует принятию и реализации необходимых для общества решений.

Однако пределы идейной и деловой совместимости потенциальных кандидатов на замещение высших позиций, особенности их личных взаимоотношений серьезно ограничивают спектр возможных комбинаций персональных раскладов в правящих командах. “Пакетный” принцип их формирования, отличающийся доминированием критериев идейной/персональной лояльности над компетентностью, сокращает разнообразие механизмов комплектования элиты, сказываясь на содержании и формах элитной циркуляции.

Опыт показывает, что потенциал такой формы функциональной коррекции политического режима, как *воспроизводство* правящей элиты (смена поколений или замена властных команд), весьма ограничен. Прежде всего диапазоном существующих организационных программ властных структур, институтов и доминирующих в элите норм и ценностей. В этом отношении, в частности, весьма показательным наблюдением М. Горбачева: “...многие партийные структуры, как и управленческие, оказались

¹⁴ Баланс между содержанием спроса и предложением контролируется правящим меньшинством в силу асимметрии властных позиций и влияния (веса) элиты и политически обособленных (разрозненных) общественных слоев. Тем не менее в множественности предложений со стороны “плюральной элиты”, в неизбежности разброса предпочтений большинства населения и кроется элемент случайности (неподконтрольности) процессов элитной ротации.

не готовы работать в атмосфере демократизации, гласности, при переходе к новым формам в экономике... За годы перестройки произошло существенное обновление партийных кадров, но вновь пришедшие, обремененные инерцией... действовали за редким исключением теми же методами, что и их предшественники... Политическая система в основном продолжала нести на себе глубокие отпечатки, заложенные еще в сталинские десятилетия административно-командной системы. В этом... крылась и фундаментальная причина ограниченности, скованности политического сознания партийных кадров – практически сверху донизу...” [Горбачев, 2012, с. 496, 516].

Тем самым устойчиво воспроизводятся присущие конкретному типу элиты образцы и ценностно-смысловые основания деятельности, не отделимые от фундаментальных установок возглавляемых ею властных институтов. В свою очередь, институциональные (нормативно заданные) цели и операциональные алгоритмы последних поддерживаются, а отчасти и подменяются собственными интересами правящей элиты.

Взаимообусловленность и относительная тождественность базисных оснований функционирования политического режима и правящей элиты исключают возможность их кардинального обновления в рамках существующей системы власти. Реагируя на нестандартные вызовы, элита вырабатывает новые шаблоны деятельности, но внутри привычной для нее картины мира. Тем самым применяемые подходы все более расходятся с реальностью. Попытки разрешить проблему перестройки политического режима исключительно путем *подбора и ускоренного обновления* элитных кадров, когда их ценностно-смысловые установки и модели деятельности остаются практически неизменными, лишь усиливают нарастающее напряжение в системе власти и ведут к ее распаду.

Смена политического режима задает новую комбинацию структур и институтов власти, иные логику, модели, ценностно-смысловые основы их функционирования. В обновленной системе властных координат нарождающаяся элита вынужденно порывает с большинством прежних норм и ценностей, традиционными моделями деятельности. При этом даже в периоды радикальных преобразований правящая элита сохраняет широкие возможности по регулированию форм и способов собственной ротации. Ведь образцы и логика функционирования перестраиваемых (учреждаемых) структур и институтов, их эффективность, мера социальной востребованности и поддержки зависят от результатов действий групп, приходящих к руководству ими. Последние могут как разгонять, так и тормозить процессы их укоренения в ткани политического режима, направлять вектор их последующего развития.

Перестройка горизонтальных и вертикальных структур правящей элиты, образцов (*patterns*) ее деятельности, функционально-ролевых диспозиций отраслевых субэлит сопровождается качественным преобразованием потенциала элиты в целом, а также перераспределением властных капиталов и ресурсов среди ее функциональных групп. Отмечается смена доминирующих типов политиков, политических назначенцев и высших администраторов, их пропорций в составе правящей элиты [Человеческий... 2012, с. 212]. Совокупность подобных изменений в правящей элите и означает *смену ее типа*.

Переход к новому типу элиты сопровождается “всплеском” потоков внутриэлитной ротации. Наблюдаются массовые перемещения между различными “отраслевыми субэлитами” и элитными этажами – как из околоэлитного эшелона уже существующих социальных и политических иерархий, так и с самих низов, отчасти из слоев вне правящей элиты. При этом *горизонтальное измерение* циркуляции (диапазон замещаемых властных позиций) зависит от широты институционально-структурных новаций политического режима, а *вертикальное* (глубина уровней социальной стратификации, с которых происходит ротация в элиту) [Higley, Lengyel, 2000, p. 5] – от меры обновления элитных паттернов.

В новую элиту попадают и выходцы из прежней властной (околовластной) среды, как правило, не занимавшие постов высшего уровня, и представители вновь доминирующих социальных групп. Но это не просто новые, а *иные* люди с точки зрения

их социального опыта, мироощущения, круга знаний и интересов. Они, как правило, лишены значительной доли имманентно присущих прежней элите знаний и умений, но взамен обладают *новой* компетентностью, более пригодной к возникшим условиям и вызовам, а значит, и большей эффективностью. Частичное воспроизводство персонального и структурного компонентов правящей элиты предопределяет неизбежное смещение на переходном этапе сущностных форм и моделей деятельности старого и нового типов элиты, что отчасти сглаживает разрыв в преемственности функционирования властных структур и институтов.

Нормативный и функциональный подходы по-разному объясняют причины относительной стабильности персонального состава правящей элиты даже в ходе смены ее типа, непротиворечиво дополняя друг друга. Обновление элиты за счет представителей наиболее привилегированных общественных страт, избирательный допуск во властную среду корреспондируют с идеями П. Бурдьё о неравномерности распределения различных видов капитала между социальными группами. Интерпретация правящей элиты как совокупности лиц, чьи исключительные способности стали особым преимуществом в борьбе за власть, предполагает и неизбежное неравенство потенциала данной страты относительно иных, незлитных слоев общества. В этом аспекте основу конкурентных преимуществ элиты составляет более высокое качество группового социального капитала – системы связей и отношений взаимного доверия, опыт управления и знание механизмов власти, используемых для достижения значимых целей. Неравенство стартовых условий позволяет большинству элитных групп конвертировать принадлежащие и/или контролируемые ими типы (объемы) ресурсов в наиболее предпочтительные для их выживания и последующего утверждения во властном пространстве¹⁵.

С функциональной же точки зрения, одномоментное обновление кадрового состава элиты полностью нарушает функционирование системы власти, приводя, как правило, к необратимым процессам распада ведущих социальных и государственных институтов. Поэтому поддержание стабильности и эффективности деятельности как властных структур и институтов, так и их руководства в значительной степени зависит от пропорций между существующим элитным ядром и лицами, рекрутируемыми в состав элиты. Равновесие регулируется прежде всего за счет темпов и объемов элитной ротации, изменения принципов элитного комплектования.

Постепенная замена элитных кадров обеспечивает “инерционное” поддержание преемственности, устойчивости и непрерывности управления обществом и его институтами, контроль над процессами их преобразования. Только эволюционным путем, через ротацию поколений и властных команд, с “откатами” в виде возвращения к власти “бывших руководителей”, но на новых основаниях их функционирования, возможно обновление состава правящей элиты.

Практика подтверждает, что институциональная реорганизация тоталитарных (авторитарных) режимов редко сопровождается масштабной коррекцией элитных кадров. Сложность и взаимообусловленность факторов, сопровождающих процессы изменения властных институтов и их кадрового обеспечения, вынуждают ради управляемости социальными процессами сохранять во власти лица, обладающие специальным опытом и компетентностью. Люди, приходящие к руководству обновленными демократическими структурами, должны научиться применять служебные полномочия, функционировать в публичном пространстве власти, уметь балансировать между текущими групповыми интересами и задачами сохранения долгосрочной стабильности политического режима, не допуская его обрушения, как, например, при Веймарской республике. Тем самым переход к политическим режимам демократического типа

¹⁵ Так, В. Ильин отмечает, что в странах ЦВЕ социалистическая номенклатура взяла курс на организационное превращение в класс буржуазии, сумев при этом в основном удержать процессы трансформации под своим контролем. Тем самым в период социально-политических преобразований партийные кадры смогли превратить свои политические активы в экономический капитал, составив примерно пятую часть новой хозяйственной элиты [Шкаратан, Ильин, 2006, с. 363–364].

сопровождается достаточно продолжительным и противоречивым периодом формирования прослойки публичных политических лидеров.

Таким образом, с функциональной точки зрения *циркуляция правящей элиты* представляет собой процессы трансформации ее внутренней структуры, изменения образцов функциональной деятельности операциональных кодов и ценностно-смысловых (целевых) установок¹⁶. Ротация персонального и качественного состава лишь оформляет изменение функционально-ролевых диспозиций элиты. Исходя из этого, непосредственные причины, определяющие тип элитной циркуляции (воспроизводство или смена), следует искать в характере (мере) обновления базисных оснований функционирования элиты, объединенных понятием базисных паттернов¹⁷.

*Паттерны*¹⁸ представляют совокупность относительно устойчивых, репрезентативных (образцовых) ценностно-смысловых установок и политических представлений, а также операциональных кодов, моделей и норм функциональной деятельности и социального поведения, задающих устойчивые формы сознания, функционирования и комплектования правящей элиты. Их дизайн со временем изменяется, но сам каркас сохраняется на всем протяжении существования данного типа элиты. Властные сообщества, чьи ценностные установки и операциональные основания деятельности еще только находятся в процессе формирования, состоят, как правило, из разрозненных групп временщиков, руководствующихся сиюминутными узкогрупповыми интересами. Подобное явление вызывает к жизни концепты “квазиэлит”, “псевдоэлит”, доминировавших в описании российского руководства на протяжении 90-х гг. прошлого века.

Методологически понятие *базисные паттерны* применяется в качестве верифицируемого индикатора, опосредующего совокупное влияние основных детерминант на процессы функционирования и ротации правящей элиты. Комплексный характер паттернов позволяет снижать (в необходимой для анализа степени) разнообразие исследуемых характеристик явления, а также косвенно учитывать влияние скрытых факторов через призму их отражения в наблюдаемых параметрах.

Одним из оснований для существования и воспроизводства паттернов как политического феномена выступает структурно-функциональная диффузия правящей элиты. Различие целей, внутренних установок (принципов) и условий функционирования отраслевых субэлит влечет расхождение их ценностных норм, моделей, образцов служебной деятельности и поведения. “Разнообразие элиты в единстве” подпитывает потребность в существовании общих оснований функционирования, которые обеспечивали бы интеграцию и слаженное взаимодействие ее групп. “Круги, составляющие правящую элиту, вырабатывают единые/привычные коды и критерии, унифицирующие манеры деятельности и поведения” [Mills, 2000, p. 281] лиц, включаемых в эту среду. Согласно операциональные коды и ценностные установки отраслевых субэлит, формы и уровень сбалансированности которых обуславливают меру элитного единства, паттерны обеспечивают слаженное функционирование правящей элиты, ее выживание (воспроизводство) в качестве единой страты.

Базисные паттерны в значительной мере корректируют влияние случайных факторов на процессы комплектования элиты, а также личностные характеристики ее членов. Регламентируя механизмы отбора, они обеспечивают соответствие ценностных установок и норм, поведенческих и деятельностных кодов рекрутируемых лиц сложившемуся укладу властной среды. Тем самым, несмотря на текучесть персонального

¹⁶ По утверждению Ильина, “во всех странах Восточной Европы (происходила. – П.Т.) эволюция мировоззрения и стратегии правящей элиты” (см. подробнее [Шкаратан, Ильин, 2006, с. 282]).

¹⁷ Описание основных характеристик элитных паттернов или же их типологии – не цель данной статьи. Я пока не готов четко очертить их универсальные и специфические параметры. Подобная работа требует проведения достаточно трудоемкого и обширного исследования с привлечением широкого круга специалистов.

¹⁸ См. упоминание о стандартных паттернах высших социальных слоев, формирующихся в конкретные исторические периоды [Mills, 2000, p. 39].

состава, стабильно воспроизводятся ключевые параметры типа элиты, поддерживается необходимая мера однородности и совместимости ее качественных характеристик. При этом последовательный отсев кандидатов, не соответствующих базисным установкам, снижает качественное разнообразие элиты. Возникает проблема “вымывания” ее творческого потенциала, “зашлаковывания” людьми, способными оперировать лишь набором стандартного инструментария.

Пока содержание паттернов, их адаптивные способности позволяют правящей элите реализовывать функционально-ролевые нагрузки, корректируя по необходимости формы и методы властвования, ее циркуляция осуществляется в виде *воспроизводства* (репродукции) смены поколений, обновления властных команд или качественного состава. Однако со временем функциональный потенциал элиты, ограниченный рамками паттернов, оказывается исчерпанным и невозобновляемым. Быстрыми темпами нарастает потребность в инверсии базисных оснований ее функционирования. *Смена типа элиты* становится не только необходимой, но и возможной, так как правящие круги окончательно теряют способность к собственному воспроизводству в системе власти и уступают последнюю более эффективным конкурентам.

Почему же принципиальное обновление “операционной программы” правящей элиты, востребованное на пределе адаптивных возможностей паттернов, осуществляется крайне редко? Структура элитных паттернов состоит из *ядра*, включающего фундаментальные установки и принципы, и *периферии*. Периферия (“внешняя оболочка”) содержит временные конструкции и образцы, привносимые приходящими к власти группами, а также возникающие в отраслевых субэлитах. Значимые изменения в ядре влекут неизбежное нарушение системной устойчивости паттернов, дезинтеграцию уникальным образом соединенных в них отраслевых установок и операциональных кодов. Кроме того, необходимо обеспечить бесчисленную массу согласованных изменений в функционировании структур и институтов власти, которые не приводили бы к образованию побочных эффектов, чему явно препятствуют ситуативные факторы политической борьбы. “Ригидность” базисных оснований блокирует (критически затягивает) качественное обновление функционального инструментария правящей элиты и в значительной мере – насущные преобразования политического режима.

Поэтому в подавляющем большинстве случаев адаптация паттернов производится путем рекомбинации программ более низкого уровня [March, Simon, 1993, p. 171], то есть на периферии в виде локальных коррекций, мутаций отраслевых операциональных кодов, осуществляемых, как правило, на случайной, бессистемной основе. Стихийное и непропорциональное изменение статусов, набора функций, ресурсной оснащенности различных институтов и структур власти неравномерно трансформирует условия и основания деятельности их руководства¹⁹. Постепенно расширяется круг ситуаций/проблем, в которых базисные паттерны “стесняют” отраслевые субэлиты, перестают соответствовать их интересам и изменившимся функционально-ролевым диспозициям. Взаимная гармонизация “отраслевых образцов” становится возможной только на основе кардинальной трансформации содержания и структуры элитных паттернов.

Таким образом, “вызревает” потребность в обновлении не просто персонального или качественного состава элиты, но оснований ее функциональной деятельности. Прогрессирующее накопление системных ошибок и сбоев в деятельности руководства политического режима увеличивает риски развития патологических процессов в функционировании последнего, подготавливает кризис его структурно-институциональных основ. Но до смены типа элиты предстоит множество волн ротации различной силы. Паттерны, а соответственно, и тип элиты сменяются лишь в ситуации глубочайшего системного кризиса, когда наглядно проявляется их “функциональная импотенция и обреченность”. В подобных обстоятельствах элитные паттерны, организационные

¹⁹ Например, политической, административной, военной и культурной субэлит, центрального и республиканского их уровней в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века.

шаблоны и культура властных структур и институтов настолько дискредитированы, что их миссии, цели, ключевые принципы и модели функционирования переопределяются заново. Наступает стадия структурной трансформации режима, в ходе которой закладываются основания новых паттернов и установок, присущих обновленному типу элиты, запускается механизм смены элиты.

В этой фазе правящая элита компенсирует снижение властного потенциала усилением степени собственной интеграции, однородности, предельно сокращая приток в свои ряды “свежей крови”. Ее внутреннее ядро регулярно сбрасывает собственную оболочку (периферию), перетягивая к себе стремительно сокращающиеся ресурсы властного выживания. Элитное равновесие еще больше нарушается, когда политическая элита ради мобилизации ресурсов и т.п. сокращает уровень идейного, ценностного плюрализма, принуждая функционально специализированные субэлиты придерживаться единой идеологии либо религиозной догмы, национальной идеи. Тем самым действия по усилению единства правящей элиты способствуют “эскалации” ее закрывания. Но это возможно лишь до определенного порога, за которым происходит спонтанное рассыпание на противостоящие элитные осколки, не способные поодиночке удержать власть.

Политический режим, переходя в новое качество, перекраивает архитектуру и содержание собственных властных структур и институтов, в которые вписываются паттерны и структура возникающей элиты. Тем самым *смена типа элиты* осуществляется путем обновления структуры и базовых кодов/параметров ее функционирования, а не за счет тотального устранения от власти всей страны в целом, что снижает ее сопротивление процессам трансформации. Перефразируя Й. Шумпетера, можно сказать, что смена элиты – процесс созидательного разрушения отживших, консервирующих отсталость ценностно-смысловых оснований и моделей функционирования правящего меньшинства, и замена их новыми, более отвечающими социально-политическим условиям.

Вместе с тем одна из важнейших задач – предварительная оценка (очерчивание) границ и условий применимости функционального метода. Отмечу ряд факторов, предопределяющих его некорректное использование.

1. Эмансипация (освобождение) правящей элиты от влияния общества, когда ее деятельность и поведение чрезмерно отклоняются от миссии и целей, предопределяемых функционально-ролевыми диспозициями в существующей системе власти. При этом содержательно процессы обновления элиты расходятся с требованиями “социального заказа” и представляют беспорядочные потоки групповой и персональной ротации, в основе которой лежат случайные и неуловимые для исследователя причины и интересы.

2. Крайне низкая степень формализации властных, служебных и политических взаимодействий, при которой элитные паттерны слабо связаны с организационными моделями (шаблонами) и нормами возглавляемых ими структур и институтов. В данном случае процессы циркуляции лишь в незначительной мере отражают структурно-институциональные новации политического режима и, как правило, принимают формы перетекания одних и тех же групп (индивидов) по различным властным структурам.

3. Слабая совместимость базисных ценностей и оснований функциональной деятельности отраслевых субэлит, что предопределяет условность, “декоративность” общеэлитных ценностных установок и моделей функционирования. Этим обуславливаются критичные диспропорции в темпах и объемах обновления функциональных групп правящей элиты, которые не позволяют системно отразить процессы ее ротации.

В заключение отмечу, что я не претендую на бесспорность сделанных выводов и обобщений. Скорее, я ставлю вопросы относительно существующих познавательных проблем, нежели предлагаю исчерпывающие ответы. Надеюсь, что обсуждение данной статьи, наряду с неизбежной волной конструктивной и заслуженной критики, послужит созданию необходимых условий для организации и проведения масштаб-

ного и глубокого исследования процессов ротации отечественной правящей элиты, в частности поспособствует формированию научной команды, действующей в едином методологическом ключе и объединенной общим концептуальным видением предмета исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашин Г.К. Основы политической элитологии. М., 2013.

Ашин Г.К. Элитология. Учебное пособие. М., 2005.

Властные структуры и группы доминирования. Материалы десятого Всероссийского семинара “Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации”. СПб., 2012.

Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита России. Вехи исторической эволюции. М., 1998.

Горбачев М.С. Наедине с собой. М., 2012.

Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1.

Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М., 2012.

Политический класс в современном обществе. М., 2012.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

Хигли Дж. Элиты, внеэлитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011.

Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ. М., 2012.

Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006.

Archer M. Being Human: the Problem of Agency. Cambridge, 2004.

Arik M. Controversies of the Post-Communist Transition // Eurasian Studies. 1999. № 16.

Blair T. A Journey. London, 2011.

Dahl R. A. Democracy and its Critics. New Haven (Conn.), 1989.

Higley J., Lengyel G. Elite Configurations after State Socialism // Elites After State Socialism. Theories and Analysis. Lanham (Md), 2000.

Lengyel G. Notes on the “Quality of Elites” // Elites in Central-Eastern Europe. Budapest, 2006.

March J.G., Simon H.A. Organizations. Cambridge, 1993.

Mills C.W. The Power Elite. Oxford, 2000.

North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.

© П. Тарусин, 2014